

Глава 15. Звёздные грёзы

Все вокруг считали, что Лу Юньпин — верный подпевала Ли Хуэя, преданный ему до мозга костей. И только он знал: тот для него не просто напарник или кореш. Но вот кем он был на самом деле — этого парень и сам не мог толком разобрать.

Ли Хуэй поселился в его сердце кошачьим хвостом: то и дело щекотал изнутри, заставляя изводиться от непонятого раздражения. Видеть его — бесило. Не видеть — бесило ещё сильнее. А стоило кому-нибудь невзначай помянуть Чэнь Кайюя, как досада и вовсе начинала скрести душу когтями. Выговориться было некому, и от этого внутреннего гнёта лицо Юньпина густо зацвело подростковыми прыщами.

— Эй, Мастер Чжан на тебя смотрит.

Сосед по парте толкнул Юньпина локтем. Тот встряхнулся и заставил себя сосредоточиться — на уроке классного руководителя лучше было не витать в облаках.

Спустя пару минут на его край стола перекочевал клочок бумаги. На нём корявым почерком было выведено:

«Ты че, втюрился?»

Юньпин вздрогнул. Скосил глаза на соседа — тот с преувеличенным вниманием пялился на доску. Он вывел внизу:

«Нет».

Через минуту записку бесшумно утянули обратно. Сосед, прилежно изображая конспектирование, что-то быстро нацарапал и вернул листок.

«А чего тогда вторые сутки в астрале висишь?»

Юньпин выдохнул с облегчением: значит, просто гадают на кофейной гуще. Впрочем, тут же кольнула мысль, что он просто ведёт себя как вор, у которого шапка горит. Ни одна живая душа в мире, кроме него самого, не знала о его потаённых мыслях. От этого стало вдруг тоскливо, и он, сорвав злость на соседе, размашисто написал:

«Если человек задумался, значит сразу влюбился? А если у меня ранний маразм, не вариант?»

На этот раз сосед лаконично вывел огромное «ВАРИАНТ», и Юньпин окончательно почувствовал себя идиотом.

Чтобы хоть как-то сбежать от этой душевной чесотки, он записался в школьную секцию легкой атлетики. Его приняли без лишних вопросов, и теперь каждое утро, пока вся школа уныло топталась на зарядке, Юньпин с товарищами эффектно нарезал круги по беговой дорожке. Вскоре его лицо стало примелькавшимся, и это принесло свои плоды — он получил первое в жизни любовное письмо.

Радости Юньпин не испытал никакой. Зато Ли Ши воодушевился не на шутку: он расхаживал кругами и с приторным выражением зачитывал послание уже в десятый раз. Ли Хуэй, привалившись к стене, курил и посмеивался.

— Ты-то чего так завёлся? — бросил он Ши-тоу. — Не тебе же пишут!

— Так я за брата радуюсь! Эх, Пин-цзы, ну и подфартило же тебе, как утопленнику.

Юньпин сплюнул прямо под ноги Ли Ши.

— Сказал бы я тебе, кто тут утопленник. Это называется «удача в любви», неуч. А у тебя изо рта один мусор лезет.

Ли Ши не остался в долгу и попытался картинно плюнуть в ответ, но затея провалилась: слюна предательски потянулась липкой нитью и, подхваченная ветром, осела на его же куртке. Ли Хуэй едва не задохнулся от хохота. Юньпин тоже сначала прыснул, но, взглянув на друга, осекся.

Хуэй смеялся редко. С чужими он и вовсе ходил с «лицом покойника», а со своими — максимум нагло и холодно ухмылялся. Юньпин почти не видел его таким: когда Ли Хуэй по-настоящему смеялся, он прищуривался, и глаза становились похожими на узкие полумесяцы, уголки которого уютно опускались вниз. В этот миг он становился похож на забавного мультяшного человечка, которого сосед по парте рисовал на полях учебников. Почти мило.

Отсмеявшись, Ли Хуэй заметил, что Юньпин пялится на него с каким-то дурацким выражением лица.

— Ты чего?

Первой мыслью Хуэя было, что этот балбес Ши-тоу всё-таки попал на него слюной. Он быстро осмотрел одежду — всё чисто.

— Чего завис?

— Да так... думаю, что ей ответить.

— Пфф, — Ли Хуэй затянулся. — А чего тут думать? Нравится — соглашайся.

— Не нравится.

Ли Ши, наконец оттерев куртку, влез в разговор:

— Ты от счастья мозги растерял? Как это «не нравится»? Очень даже должна нравиться! Я всё разузнал: она в одном классе с Ван Синь. Грудь, может, и поменьше, зато сама выше. Ноги — во! Модельные!

— Раз так нравится — забирай себе.

— Эх, — вздохнул Ли Ши. — Знал бы, не прогуливал бы отбор в секцию ради «Ред Алерта». Такой шанс упустил.

Ли Хуэй вдруг негромко спросил:

— Пин-цзы, ты что, всё ещё по Ван Синь сохнешь?

При упоминании девчонки Юньпин едва не подпрыгнул на месте.

— Да на кой чёрт она мне сдалась! Сдалась она мне, больно надо!

Ши-тоу тут же вставил свои пять копеек:

— Ли-гэ, он тебя материт.

Получив от Хуэя профилактический подзатыльник, Ли Ши притих, но Юньпина уже понесло. Срываясь на обиженный тон, он выпалил:

— Я не про тебя! Просто странно, что ты вечно мне её приписываешь. Это же у тебя с ней сейчас всё... «остро».

Ли Хуэй, не церемонясь, пнул его так, что Юньпин едва не растянулся на земле.

— С чего ты взял, что у меня с ней «остро»?

Юньпин не сдавался:

— Своими глазами видел. Она сегодня в обед тебе мороженое совала.

— Глаза свои тогда выколи, — отрезал Хуэй. — Мороженое то псу под хвост пошло.

— Эй, вы чего на меня-то всё валите? — подал голос Ши-тоу. — Это ты есть не стал, оно почти растаяло, вот я и доел.

Ли Хуэй, чувствуя, как начинает гудеть голова, указал на письмо в руках Ли Ши:

— К делу давай. Пин-цзы, ты реально не хочешь с ней мутить?

— Не хочу.

— Да почему? Девчонка-то симпатичная.

— А ты почему с Ван Синь не хочешь?

Ли Хуэй прикурил новую сигарету и долго молчал, глядя куда-то в сторону. Наконец выдохнул:

— У меня есть тот, кто мне нравится.

У Юньпина сердце ёкнуло и словно провалилось в желудок. В груди стало тесно, дышать — нечем. А Ли Ши уже скакал вокруг:

— Кто?! Кто это?! Ну скажи, не томи, я ж сейчас лопну!

Хуэй не обращал на него внимания. Он с легкой улыбкой смотрел прямо на Юньпина. Тот, с трудом подавив дрожь в голосе, ответил:

— И у меня... у меня тоже есть.

Ли Ши прижал письмо к груди и завыл:

— Твою мать! Вы оба за моей спиной себе кого-то подцепили?! Один я, бедный, без первой любви остался!

Юньпин продолжал сверлить Хуэя взглядом.

— И кто она?

— Не из нашей школы.

— А из какой?

Ли Хуэй нахмурился.

— Тебе-то какая печаль?

Эти слова ударили по Юньпину сильнее кулака. В памяти всплыли пальцы Хуэя и Чэнь Кайюя, переплетенные под столом. Кровь прилила к лицу, в глазах потемнело, и он выпалил, не соображая, что несет:

— Да при чём тут печаль! Кореша мы или нет? Зачем таиться, если там ничего постыдного? Если только это не кто-то... кто не может показаться на свет!

Наступила мёртвая тишина. Трое парней застыли, как изваяния. Ли Ши хлопал глазами, не понимая, откуда взялось такое напряжение. Лицо Юньпина пылало. Ли Хуэй смотрел на него — тяжело, немигающе. Юньпину стало не по себе; он ждал, что сейчас в лицо прилетит пудовый кулак. Но Хуэй лишь медленно докурив сигарету, бросил окурок на землю и, не проронив ни слова, развернулся и ушёл.

Ли Ши, помедлив, сунул письмо обратно в руки Юньпину и поспешил за Ли-гэ.

Весь остаток дня Ли Хуэй больше не звал его курить. Юньпин возвращался домой на велосипеде, крутя педали медленно, будто через силу. Всю дорогу он занимался самовнушением: «Тебе не нравится Ли Хуэй. Вы просто слишком много времени проводите вместе. Тебе нравятся девчонки — чтобы было за что подержаться, чтобы кожа мягкая, а голос нежный. А Хуэй что? Мешок костей, вечно угрюмый, слова лишнего не вытянешь...»

У самого дома он вдруг увидел Ли Хуэя. Тот стоял у обочины и о чём-то болтал с какими-то парнями, небрежно держа сигарету и чуть заметно улыбаясь. У Юньпина все доводы разом вылетели из головы. Он простоял на другой стороне улицы добрых пять минут, пожирая друга взглядом, а потом зло обругал себя: «Пялишься, как дурак! Чего там не видел? Порнуха и то интереснее будет!»

Ворвавшись домой, он даже не стал жарить свои любимые гренки. Выудил из-под кровати коробку с дисками, схватил рулон туалетной бумаги и, озираясь как вор, шмыгнув в гостиную. Запихнул диск в VCD-плеер. Мелькнули английские титры, а следом — потное переплетение тел. Юньпин залез рукой в штаны, пытаясь «прийти в норму». Минута, три, пять, десять... Перед глазами были женщины на экране, а в голове — холодный, разочарованный взгляд Ли Хуэя перед уходом. Тело оставалось вялым, а на душе стало невыносимо горько.

Он выдернул руку, швырнул рулон бумаги в плеер и, не в силах успокоиться, вытолкнул диск и

с хрустом разломил его пополам.

«Детский сад», — вынес он себе приговор.

Вечером мать, заметив его состояние, принялась ворчать:

— Чего-то Ли Хуэй совсем заходить перестал. Не кормим мы его, что ли?

— Не знаю! — буркнул Юньпин.

— Да что с тобой? Вы ж как два сапога пара были, из одних штанов не вылезали. Поругались?

Юньпин резко вскочил, ушёл в свою комнату и грохнул дверью так, что задрожали стёкла. Мать у него была женщиной боевой — она схватила скалку и еще добрых полчаса костерила его через дверь. Юньпин зарылся с головой в одеяло и незаметно для самого себя провалился в сон.

— Пин-цзы, пошли мыться.

Ли Хуэй позвал его с балкона. Они оказались в ванной дома у Хуэя. Вокруг — тишина, лишь мерно шумит вода. Юньпин толкнул дверь. Ли Хуэй стоял к нему спиной, сбрасывая одежду. Волосы влажные, капли воды стекают по длинной шее, очерчивая каждый позвонок. Спина у него была худая, костистая, и Юньпин смотрел на неё, не в силах отвести глаз. Внизу живота вдруг стало горячо. Ли Хуэй обернулся, он весело прищурился.

— Чего застыл? Заходи давай.

Он взялся пальцами за край белья и начал медленно стягивать его вниз...

Юньпин подскочил на кровати. В комнате было темно. Он нащупал часы — полночь. Лоб взмок от пота, во рту пересохло. Он хотел было встать за водой, но замер, почувствовав липкую влажность простыней.

Юньпин долго сидел неподвижно. В голове роились нелепые, пугающие мысли. Он пытался отмахиваться от них, как от назойливых мух, пытался «сбивать» их доводами рассудка, но образы лишь множились, складываясь в один единственный силуэт, который не желал уходить.

Наконец он бессильно откинулся на подушки. Лгать самому себе больше не было смысла.

<http://bllate.org/book/17478/1694998>